

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Иметь и наставлять рога (перевод с английского). Часть 6

Оттуда все превратилось в дымку из голых тел и пота. Сцена была довольно сюрреалистичной. Когда я трахал ее и смотрел, как она сосет его член, я онемел. Потом он вытащил презерватив и поменялся со мной местами.

В какой-то момент я перестал участвовать. На самом деле я так и не кончил. Все было слишком возмутительно. Я высвободился и отошел посмотреть.

Наоми трахали сзади. Ренальдо одной рукой обнимал ее за талию, а другой держал за плечо. Ее глаза были закрыты, рот открыт, а тело дергалось от его толчков. Она не стонала, но делала глубокий вдох каждый раз, когда его живот соприкасался с ее задницей.

Шлеп. Шлеп. Шлеп.

Мне требовалось оттуда выбраться. Я схватил свою одежду и пошел в ванную. Пока я одевался, мой разум начал проясняться. Официально ситуация вышла из-под контроля. Я тихонько выскользнул из номера.

Я думаю, что протер пол моего собственного гостиничного номера. Я ходил взад и вперед в течение тридцати минут, с тех пор как оставил Наоми с практически незнакомцем.

О чем, черт возьми, я думал? Секс втроем с каким-то незнакомым парнем? Черт!

Она вообще осознала, что я ушел? Я пытался позвонить ей на мобильный, но звонок просто переключился на голосовую почту. Поэтому я выключил свет и стал ждать. И шагал. И совершил набег на маленькие бутылочки с алкоголем в мини-баре. И изничтожал себя.

Неопределенность убивала меня. Незнание того, что происходит, означало смерть от тысячи порезов. Каждый раз, когда на моих часах тикала секундная стрелка, меня резали еще раз.

Тик. Тик. Тик.

Через полчаса меня вывел из транса телефон. Я посмотрел и увидел, что звонит моя жена.

— Детка, куда ты ушел? — с паникой в голосе спрашивала она.

— Я вернулся в номер, Нао.

Через пять минут она ворвалась в дверь. На ее лице было выражение «только что по-королевски трахнутой», но оно было искажено опасением.

Она пересекла комнату и обняла меня.

— Детка... что случилось? — спросила она, целуя меня в лицо. Я не мог справиться со своими эмоциями. Я колебался между облегчением от того, что моя жена все еще была моей, и беспокойством о том, какую дверь мы открыли. Я не мог справиться с эмоциями, что мелькали внутри меня словно стробоскоп. Я никак не мог с ними справиться.

Она взяла меня за руку и подвела к кровати. Затем осторожно повернула меня спиной к кровати и толкнула на нее. Я беспомощно упал на мягкий матрас и остался лежать. Она начала расстегивать мой ремень и стягивать штаны. Я был на автопилоте, поэтому бесстрастно приподнял бедра, чтобы дать ей возможность снять штаны.

Потом она взяла мой член в рот и стала нежно сосать. Вверх и вниз, ее губы слегка массировали меня. Это не было похоже на ее обычные минеты. Этот не был энергичным или стремительным. Это было похоже на то, как будто она медленно, мягко занималась со мной любовью своим ртом.

— Я очень тебя люблю, Джош. Никогда не забывай об этом, — сказала она в перерыве между сосаниями. Я посмотрел на нее и увидел, что она тоже смотрит на меня.

Я даже не почувствовал, как приближаюсь. Я просто знал, что уже вот-вот. У меня не было времени предупредить ее. Внезапно я почувствовал, как извергаюсь в ее рот. Она была удивлена первым взрывом, но, в конце концов, ее лицо успокоилось. Она не отпускала меня, пока я не перестал брызгать. Она проглотила все.

Я был эмоционально истощен. Полностью опустошен. Я лежал на кровати, такой же вялый, как и мой член. Я почувствовал, как Наоми забралась на кровать и положила голову мне на грудь. Она осыпала меня легкими поцелуями и провела рукой по моему животу. Мы лежали так в тишине, оба потерянные в нашем мире.

— Тебе понравилось? — прямо спросил я. Она продолжала гладить и целовать меня.

— Ага. Понравилось. Это было эротично. Я никогда раньше не делала ничего подобного. — Я почувствовал, как ее лицо расплылось в улыбке.

Тишина. Я не знал, как на это реагировать. Был ли я зол? Взволнован? Нет, ни то, ни другое. Я просто оцепенел.

— Ты будешь еще делать это?

Она на минуту задумалась, продолжая целовать мою грудь.

— Нет. Только не с ним.

Сквозь мои облака начало просачиваться облегчение. Она не влюбилась в него. Она не собиралась убегать и оставлять меня одиноким и несчастным. Она все еще была моей.

— Ты бы сделала это с кем-нибудь другим?

— Может быть. Если ты поставишь на меня. — Затем она села и посмотрела на меня.

— С Ренальдо было весело из-за тебя, детка. Если тебе это не нравится, значит, это не весело. Когда я позволила ему потрогать меня, то получила удовольствие, зная, что трахну тебя, как только войду в номер. Когда сегодня вечером я позволила ему трахнуть себя, то думала о тебе. Честно говоря, я не ожидала, что тебе будет так тяжело. Без тебя это — просто секс. Я бы никогда не променяла тебя на просто секс.

Она снова положила голову мне на грудь и продолжала гладить мой живот.

— Вы с Генри — мой мир, Джош. Без вас двоих жизнь не стоит того, чтобы жить.

Я обнял ее и поцеловал в макушку. Мы молча лежали, прислушиваясь к дыханию друг друга. Я не знал, что ждет нас в будущем. Все, что я знал, это то, что все вышло из-под контроля.

***

Весна 2014 — Декабрь 2014

После Ренальдо мы с опаской ходили друг вокруг друга. Мы избегали упоминать об этом событии и жили так, будто его никогда и не было. По крайней мере, так казалось. Однако каждый из нас справлялся со случившимся по-своему.

Наоми осыпала меня любовью и вниманием. Если честно, она меня чуть не утопила. Хотя мне это, конечно, нравилось, я не понимал причины. Она всегда была немного скупа в использовании слова на «Л», если только не облажалась и не нуждалась в том, чтобы успокоить меня. Вот что было так тревожно. Я знал, почему происходили все эти проявления привязанности, и это неизбежно возвращало меня к чувствам, которые я испытывал по поводу инцидента с Ренальдо.

Со своей стороны, я с головой окунулся в деятельность, которая позволила мне немного отдалиться от нее. Я работал немного дольше. Не настолько, чтобы случайный наблюдатель поднял бровь, но достаточно, чтобы мог отложить возвращение домой, сохраняя при этом приемлемую причину.

Также я начал бегать трусцой/ходить пешком. После своего превращения несколько лет назад Наоми заставила меня начать лучше заботиться о себе, так что, это тоже было прощительным. Она сказала, что хотела бы побегать со мной, но я отмахнулся. Я сказал ей, что будет слишком неловко, если моя жена обгонит меня из-за моей неспособности угнаться за ней. Конечно, это был вопрос мужской гордости. Она купилась на это рассуждение, хотя и слишком неохотно, на мой взгляд, и больше не беспокоила меня.

Мы занимались любовью, но часть огня исчезла. Я действительно должен был взять на себя большую часть ответственности за это. Я невольно подумал, не сравнивает ли она меня с Ренальдо. Когда я смотрел, как он ее трахает, было ясно, что ей это нравится. Даже когда меня не было видно, ей потребовалось целых тридцать минут, чтобы вернуться в номер. Если дать ей десять минут, чтобы одеться, это все равно будет означать, что он трахал ее целых пятнадцать-двадцать минут, прежде чем она заметила, что я пропал.

Так продолжалось несколько недель. Я не собирался оказывать ей холодный прием. Я просто пытался понять, где мы находимся в нашей совместной жизни.

Однажды вечером я смотрел по телевизору «Форс-мажоры», когда вошла Наоми. Я не столько видел ее, сколько почувствовал ее присутствие. Когда я повернулся, чтобы посмотреть на нее, то увидел написанную на ее лице боль.

— Что случилось, Нао? — спросил я. Увидев ее в таком виде, я прорвался сквозь барьеры, которые выстроил. Вид ее проник прямо в мое сердце.

— Я скучаю по тебе, Джош. Я скучаю по нам. Я не хочу тебя потерять.

Я подозвал ее рукой, и она подошла к дивану, на котором я сидел. Я раскрыл руки, давая ей возможность обнять меня. Вместо этого она положила голову мне на колени. — Я люблю тебя, Нао, — сказал я, глядя ее по волосам. Я почувствовал, как задрожали ее плечи, прежде чем мои штаны намокли от ее слез. Я ничего не сказал. Я просто нежно гладил ее по волосам. Так мы и сидели, пока не закончились «Форс-мажоры», а потом легли спать. В ту ночь мы не занимались любовью, но обнялись и лежали в позе ложек, пока не заснули.

***

После этого моя ледяная Крепость Одиночества начала таять. Мы медленно возвращались к тому, как было до выходных в спа. Через несколько недель после вечера на диване мы наслаждались тем же любовным партнерством, что и раньше. Все, кроме нашей сексуальной жизни, было таким, каким было когда-то.

Понятно, что в этот период мы не пытались играть. Сексуальное влечение Наоми вернулось к тому, что было до того, как она раскрылась. Думаю, она боялась любых напоминаний о том уик-энде и о том, что он со мной сделал. Поэтому она избегала его. Это избегание имело общий эффект на ее либидо. Мы все еще занимались любовью, но огонь, разгоревшийся в моей жене — огонь, которым я так наслаждался, — угас.

Во всем остальном она была такой же любящей женой, какой была в прошлом. Она целовала меня на прощание при расставании. Она обнимала меня, когда мы вместе лежали в постели. Мы смотрели фильмы, ходили на свидания, вместе ели, разговаривали, смеялись, обнимались и занимались любовью. Хотя секс был очень хорош, он также был слегка пресным. По крайней мере, для меня.

— Знаю, знаю. Будьте довольны тем, что у вас есть. Я был доволен тем, что у меня было. Но мой пенис хотел всего и сразу.

Я начал скучать по игре или, по крайней мере, по той энергии в нашем доме, когда мы

играли в нее. Да, нам было уютно в нашей повседневной жизни, и мы были счастливы, но лишнее волнение ушло. Спонтанность игры открыла скрытый отсек в нашей жизни, который был захватывающим. Мы метафорически закрыли эту дверь и притворились, что той комнаты не существует. Но также мы оставили в этой комнате много веселья. Это — обоюдоострый меч возбуждения. Это становится зависимостью. Я не знаю, адреналин ли это, или что-то психологическое, или что-то еще — но без сомнения, когда вы начинаете делать то, что дарит вам кайф, вы теряете его, когда прекращаете.

***

Приближалось Рождество. Мы покупали подарки. Наоми, будучи всегда эффективной, приготовила список всего для каждого. Она знала магазины с лучшими ценами. На самом деле у нее была таблица, какие товары можно найти в каких магазинах. Она знала торговые центры как свои пять пальцев. Используя эти знания, она разделила список, согласно которому магазины находились в непосредственной близости друг от друга. У меня был свой список, а у нее — свой.

Будучи парнем, я, естественно, сделал покупки задолго до нее. Черт, у меня был список. Я точно знал, зачем туда иду. Для меня вопрос был прост: найти нужное, заплатить за него, положить в багажник. Проще простого.

Так вот, моя жена... ну, она делала все немного иначе. Будучи квинтэссенцией самой себя, она находила нужное, глазела на витрины в поисках того, что собиралась купить позже, говорила со случайными покупателями о том, какими сумасшедшими были магазины в течение сезона, сравнивала впечатления с другими покупателями, у которых были дети примерно возраста Генри, проглядывала витрины в других магазинах и, наконец, звонила мне, чтобы узнать, где я. Полная противоположность моей легкости.

К тому времени, как она мне позвонила, я уже набивал себе рот пиццей с пепперони в Сбарро, большой кока-колой и булочкой с корицей. Поскольку это была одна из немногих возможностей для меня поесть без жесткого контроля диеты на моей заднице, я кутил.

Она сказала, чтобы я встретился с ней в каком-то обувном магазине (заметьте, не в том, где нам нужно было делать покупки), поэтому я начал ее поиски. Когда я приехал к нему, то вошел не сразу. Я наблюдал за ней со стороны. Там был джентльмен, с которым она разговаривала. В руке у него была туфля, и он указывал на разные аспекты, связанные с ней, так что, я предположил, что он описывает ее особенности.

Было очевидно, что он с ней заигрывает. Это на самом деле меня удивило, потому что если бы я увидел его в любом другом случае, то готов был поставить на то, что он — гей. Однако, судя по тому, как он заглядывал в декольте моей жены, разговаривая при этом, он определенно увлекался женщинами.

Я также воспользовался секундой, чтобы понаблюдать за Наоми. Огонек в ее глазах. Улыбка. Прикосновение руки. О, мой гребаный Бог! Она флиртовала в ответ.

Было действительно приятно видеть ее с той живостью, по которой я скучал. Сейчас она была в своей стихии, и, должен признать, мне это нравилось.

Наконец, она заметила меня и помахала рукой. Продавец обуви, похоже, был не так рад меня видеть, как она. Когда я подошел, она представила нас друг другу.

— Дорогой, это — Крис. Крис, это — Джош, мой муж.

Крис пожал мне руку и улыбнулся, но можно было с уверенностью сказать, что я был последним человеком, с которым он хотел бы встретиться. Наоми продолжала говорить о

туфлях, которые рассматривала (как будто мне было не плевать), рассказывая мне все замечательные вещи, о которых говорили они с Крисом. Крис улыбнулся ей и сказал, что должен помочь другим клиентам, после чего исчез.

— ... Мне очень понравились эти туфли. Разве они не делают мои ноги потрясающими, дорогой? Если бы мы не потратили сегодня так много, я бы купила их и надела для тебя, — наконец, загудел в моем сознании ее голос.

Внезапно мой мозг перешел в режим похоти. Пора было будить Кракена.

— Почему бы тебе не купить их сейчас?

Она смущенно посмотрела на меня.

— Потому что мы потратили больше семисот долларов, милый. Ты же знаешь, что мы запланировали на Рождество. Эта обувь не входит в бюджет.

— Держу пари на доллар, что ты не сможешь получить их в рамках бюджета.

Ее глаза распахнулись, словно она была шокирована тем, что я сказал. Я просто улыбнулся ей, позволяя все переварить.

— Что ты говоришь, Джош?

— Ничего. Просто держу пари, что ты не сможешь найти способ получить эти туфли в ценовом диапазоне, который будет соответствовать нашему бюджету. — Я одарил ее улыбкой, сочащейся искусственной невинностью. Она настороженно посмотрела на меня.

— Джош, заткнись. Мы уходим, — сказала она, ставя туфлю обратно на витрину и направляясь к выходу из магазина.

— Я пойму, если ты согласишься, что не сможешь этого сделать, — небрежно сказал я, пожимая плечами, пытаясь соблазнить ее вызовом. Она остановилась и повернулась ко мне, ее лицо было нечитаемо.

— Нет, Джош, нет. Я не потерплю повторения того, что случилось с Ренальдо. Я не смогу пройти через это еще раз. Я не хочу заходить слишком далеко и снова рисковать потерять тебя.

— Значит, ты не хочешь этого делать? Ты хочешь сказать, что не заинтригована?

— Я говорю не об этом, Джош. У меня нет никаких проблем с игрой. У меня есть проблема с потерей тебя.

— Я понимаю, Нао. В тот раз все вышло из-под контроля. Я не ожидал увидеть Ренальдо. Это был шок для моего организма. В первую минуту мы — просто пара эксгибиционистов, а в следующую — секс втроем с парнем, который мне не нравится. Я не очень хорошо это воспринял. Но я скучаю по тому, как мы жили. Я скучаю по волнению, которое приносила эта игра. Очевидно, что она пробуждает в тебе дикую кошку. Мне нравится эта дикая кошка.

— Ты серьезно, Джош? — Я заметил, что на ее лице появилось некоторое волнение, хотя она и пыталась его подавить.

— Да, Нао.

— Джош, а что, если?..

— Это очень особенный доллар, — сказал я, обрывая ее и помахивая долларом перед ее лицом. — В конце концов, сегодня мы потратили их так много. Это делает его редким. Чтобы получить его, тебе придется сделать некоторые особые вещи.

Ее лицо расплылось в зловещей улыбке, когда она сдалась. Ее глаза горели огнем. Я практически чувствовал исходящую от нее энергию. Это опьяняло. — А что мне требуется сделать, Джош? Мне очень нужен этот доллар.

— Нууу... Я не знаю, есть ли у тебя все необходимое для этого, но все равно скажу... сначала ты должна пойти в туалет и снять трусики.

Она хихикнула:

— Пока что я слушаю.

— Тогда я иду к машине. Я очень устал и хочу отдохнуть. Кроме того, не думаю, что смогу стоять здесь, пока ты будешь примерять туфлю за туфлей.

— Значит, я просто примеряю туфли? Что в этом такого сложного?

— Я рад, что ты спросила. Ты не будешь их примерять. Пусть их на тебя примерит Крис. И однажды ты не станешь поправлять юбку.

Она открыла рот, когда ее осенило понимание.

— Но, Джош, если он поднимет мою ногу, чтобы надеть на нее туфлю, не будет никакой возможности помешать ему увидеть мою... — Ее голос затих.

— О, Боже! Об этом я не подумал, Наоми. Но, похоже, это — не моя проблема. Это звучит как проблема, с которой придется иметь дело тебе.

Выражение ее лица было наэлектризованным.

— Твоя последняя задача для завершения этой миссии — купить обувь. Эта обувь должна иметь значительную скидку. Я проверю чек.

С этими словами я вышел из магазина, таща с собой ее пакеты. Я положил их в багажник вместе со своими и около часа слушал радио. Затем я увидел, как Наоми, опустив голову, торопливо идет к машине.

— Итак... — сказал я, когда она села в машину. Ее щеки покраснели от смущения. Она едва могла смотреть мне в глаза.

— Я сделала то, что ты сказал.

— И что?

— Он провел последний час, надевая мне туфли. Сначала все было профессионально. Но когда он хорошенько заглянул мне под юбку и увидел, что я ничего от него не скрываю, то начал поднимать мою ногу все выше и выше. Через какое-то время я и сама начала ощущать по запаху, какой я была мокрой.

С каждым ее словом мой член становился все тверже и тверже. Мне пришлось схватить его, чтобы удержать от того, чтобы выпрыгнуть.

— Ты купила туфли? — спросил я, несмотря на трудности с формированием слов в мозгу. — Она покачала головой.

— Он не мог. Там был его управляющий. Но он сказал, что закрывается сегодня в девять. Он будет один. Он сказал, что если я вернусь... одна... тогда он мог бы посмотреть, нельзя ли что-нибудь придумать насчет обуви.

Когда она закончила свое заявление, я понял весь смысл ее слов. Если я вернусь одна... что-нибудь можно будет придумать.

Я почувствовал, как ее рука коснулась моей руки, сжимавшей мой член. Я посмотрел ей в глаза и увидел вожделение. Чистую похоть. Ее рука мягко отодвинула мою в сторону, расстегивая молнию. Я помог ей освободить мою ноющую эрекцию из джинсовой тюрьмы и смотрел, как она приветствует ее своим теплым ртом. В машине не было слышно ничего, кроме звуков ее сосания и моих стонов.

Она перестала сосать и посмотрела на меня, но ее рука продолжала гладить меня.

— Мне очень нужен этот доллар, Джош. Моя миссия еще не завершена. Мне необходимо

вернуться в девять и забрать эти туфли.

Она снова стала сосать меня, пока я не умер и не попал на небеса. Ее мягкие губы скользили вверх и вниз по моему члену, нежно лаская меня. Я почувствовал, как в моих яйцах закипела магма. Я долго не протяну.

— Наоми...

Она перестала сосать и посмотрела на меня. Ее лицо выражало тревогу.

— Джош, я не хочу делать ничего, что может повредить нам. Я больше не собираюсь втягивать тебя в такие ситуации, как с Ренальдо. Если ты хочешь, чтобы я что-то сделала, то должен сказать мне прямо. Ты должен взять инициативу на себя.

— Ладно, Нао. Я понял.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась сегодня вечером и принесла эти туфли, Джош? Ты знаешь, чего он хочет. Ты должен это сказать, — в ее голосе не было соблазнительных интонаций. Все было серьезно.

Это убивало игривое настроение.

— Ты хочешь эти туфли? — спросил я, положив ее голову себе на колени. Я пытался снова разжечь добродушное подшучивание. Ее рот обернулся вокруг моего члена, когда я услышал чавканье от ее сосания. Она сделала паузу и произнесла одно слово:

— Да. — Ее голос был тих, почти шепот.

Ее рот снова обволакивал меня, на этот раз более энергично, чем раньше. Ее голова покачивалась у меня на коленях в такт чавкающим звукам. Оргазм приближался. Я больше не мог сдерживаться. Внезапно мое семя вырвалось из моего члена и попало ей в горло. Ее голова продолжала качаться, пока я не выдохся... Я почувствовал, как она сглотнула, когда поднялась и вытерла рот.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Наши глаза смешались, передавая послания любви.

Настоящее время

Сентябрь 2015 года

Мы с Наоми посещали несколько еженедельных сеансов с Бет. Я хотел бы сказать, что они перекинули мост через пропасть между нами и помогли нам преодолеть ее, но это не так. Эти сеансы сбивали с толку. Все это время Бет полностью избегала измены. Она просто заставляла нас пройти через историю нашей совместной жизни. Мы рассказывали, как познакомились, как я сделал предложение, как мы впервые занялись сексом, как впервые сказали «я тебя люблю» и все такое. Хотя мне и нравилось совершать путешествие по тропе воспоминаний, я не чувствовал, что мы решаем вопрос того, из-за чего ходим на консультацию.

Однако я узнал, кто был ее любовник. Мы не говорили об этом, или я действительно не слушал, пока это не всплыло на одном из сеансов. Бет быстро перевела разговор на другую тему, но все же, я узнал, кто он.

Мне очень не хочется рассказывать вам эту часть, потому что это — такое клише. Но вот она. Этот парень — ее босс. Он — новый босс, которого нанял спортзал, чтобы заменить того, что работал там в течение десяти лет. По-видимому, старому боссу предложили должность управляющего новым магазином Волмарт, которая была слишком хороша, чтобы отказаться.

В то время, когда не наняли нового босса, всеми личными тренерами управляла Наоми. Она больше не занималась тренерской работой лично, если только не приходилось заменять

кого-то на запланированных сеансах. Под ее началом был штат из трех тренеров, так что, ей приходилось делать только случайные сессии. Она действительно больше не нуждалась в усилителе уверенности в себе, так что, повышение никак не повлияло на нашу сексуальную жизнь.

Я помню, как она несколько раз упомянула своего босса. Она описала его как громкого, грубого, властного и своего рода хама. В тот момент он не произвел на нее впечатления, поэтому я не обратил на него особого внимания.

Итак, вот мы и на следующей сессии. Признаюсь, я начал терять надежду. Я чувствовал, что я не ближе к выяснению того, что пошло не так, чем был до начала нашего прихода сюда. Не выяснив, что пошло не так, я не смогу найти способ доверять ей. Без этого я никак не смогу остаться в этом браке. Как бы это ни разрушало меня, мне придется отпустить Наоми.

Когда мы с Наоми впервые приехали сегодня, кое-что было совсем по-другому. Во-первых, на заднем плане не играла тихая музыка. Во-вторых, мы сидели напротив мрачно-серьезной Бет. Резкая перемена в ее поведении сделала напряжение ощутимым.

— Итак, Джош и Наоми. Я чувствую, что мы подошли к переломному моменту в нашем совместном путешествии. Я с удовольствием выслушала историю вашего брака. Теперь я хочу знать о прошлом. Наоми, я хочу услышать о твоих родителях.

Холодный взгляд Бет мягок, но серьезен. На ее лице не было ничего от той теплой женщины, которая встретила нас в первую неделю. Он было беспристрастным. Почти холодным.

Я бросаю взгляд на жену, которая побледнела. Я вижу, как дрожат ее губы, а широко открытый взгляд кажется застывшим. Я никогда не видел ее такой.

— О-они мертвы.

Это как удар в лицо. Я слышал, как она говорила это и раньше, но сейчас впервые я понял, что она лжет. Я чуть не ушел. Но мне требовалось дослушать до конца.

— Наоми, я хочу услышать о твоих родителях, — повторяет Бет. Ее тон говорит о том, что она не хочет отпускать это. Я чувствую нерешительность и страх моей жены. Она похожа на мышь, загнанную в угол. На маленькую девочку, которая прячется под одеялом в надежде, что бабай уйдет. Часть меня хочет прыгнуть к ней и послать Бет к черту. Мне хочется крикнуть ей, чтобы она перестала издеваться над моей женой. Та явно не желает говорить об этом. Однако я молчу. Я знаю, что это важно. Уже какое-то время. Я просто не замечал этого.

— Как они умерли, Наоми?

Моя жена смотрит в пол, и по ее лицу текут слезы. Бет протягивает ей салфетку, и мы оба терпеливо даем ей успокоиться, чтобы она могла продолжить.

— Мой п-папа застрелил мою маму.

Я чуть не обосрался, когда это услышал... Какого хрена?! Как она могла никогда не сказать мне об этом? Я держу свои чувства при себе, потому что мне необходимо услышать остальное.

— Я поймала маму на измене с дядей Рики, когда мне было шестнадцать. Однажды я пришла домой из школы, а они целовались...

Она вытирает нос салфеткой. Мне почти больно видеть ее такой. Меня также бесит, что я узнаю об этом только сейчас, после всего, через что мы вместе прошли.

— Когда я столкнулась с ней, то назвала ее шлюхой. Я сказала, что она — шлюха, и что я расскажу об этом отцу. Она умоляла меня не делать этого. Она обещала никогда больше так не делать. — Наоми делает паузу, чтобы проглотить лягушку, застрявшую у нее в горле.

— **НО Я ДОЛЖНА БЫЛА РАССКАЗАТЬ!** Я не могла просто так позволить ей уйти. Это было

неправильно! Я чувствовала, что мой отец имеет право знать, на какой женщине он женат.

— Ты сказала ему, Наоми? — тихо спрашивает Бет. Я думаю, она чувствует, что Наоми нуждается в небольшой помощи, чтобы пробраться через эту трясиину подавленных воспоминаний. Наоми просто кивает, срываясь в громкие рыдания.

— ОН УБИЛ ЕЕ, И ЭТО БЫЛА ПОЛНОСТЬЮ МОЯ ВИНА! — вопит она оттуда. Я протягиваю руку и обнимаю ее, не дожидаясь реакции Бет. Она сидит и не останавливает меня.

— Это не твоя вина, детка. Это ее вина. Это она изменила, — успокаивающе говорю я. Я думал, что так сказать было правильным до того момента, пока она яростно не оттолкнула меня от себя. Я смотрю ей в лицо и вижу чистую ярость.

— НЕТ! Это была ЕГО ВИНА! — Ее голос полон яда. Ее голос звучит почти демонически. У меня появляется желание прервать его. Бет, должно быть, наполовину джедай, потому что видит мои мысли и бросает на меня взгляд: «Заткнись нахуй!».

— После того как его судили и осудили за ее смерть, ко мне пришли. Это был его сын. ЕГО ЧЕРТОВ СЫН! Он был на три года моложе меня. Очевидно, у дорогого папаши была другая женщина на стороне. В комплекте с совершенно другой семьей.

Теперь она стоит и говорит с такой энергией, что на лбу у нее выступает вена.

— Мой гребаный отец годами изменял моей матери. Мало того, он издевался над ней. Он говорил с ней свысока. Он называл ее никчемной, мышьиной пиздой. И ОНА ТЕРПЕЛА ЕГО! Она не произнесла ни слова поперек. Она позволила этому гребаному мудаку топтаться по ней! Как жалкая мышьяная сука, какой она и была!

Ее гнев почти пугает меня. Я никогда не видел от нее ничего подобного. Честно говоря, если бы она схватила ближайший острый предмет и начала меня колоть, я бы удивился не больше, чем ее вспышке.

— Много лет он изменял с той, другой сукой. В течение многих лет моя мать сидела в том браке без любви и позволяла ему делать все, что он хотел. Она принимала его словесные оскорбления и его блуд без единого проклятого слова! И когда она, наконец, нашла что-то, что давало ей немного покоя, я...

Ее голос затихает, а лицо внезапно превращается из неподдельного гнева в глубокое уныние. Ее сердце разбито. Она была сломлена в течение многих лет. Я просто никогда этого не замечал.

Раздается тихий успокаивающий голос Бет:

— Что ты сделала, Наоми? — Как будто Бет пытается вытянуть из нее яд. Ей требовалось, чтобы Наоми произнесла эти слова, чтобы они вырвались из ее души. Они должны были выйти как рвота с плохой пищей.

— Я ОТНЯЛА ЭТО У НЕЕ! Я И ЭТОТ ЧЕРТОВ МОНСТР УБИЛИ МОЮ МАТЬ!

Мы втроем сидим в тишине, после того как она закончила. Единственный звук, который мы слышим, — это тяжелое дыхание Наоми. Я ошеломлен. Никогда, за все годы нашего знакомства, я даже не подозревал, что она скрывает эту ужасную тайну. Я не могу себе представить, на что это было похоже. Мучительное чувство вины за то, что она стала причиной смерти матери, и ярость, которую она испытывала по отношению к отцу. Боже мой! Как она вообще могла функционировать?

— Где твой отец, Наоми? — через мгновение спрашивает Бет. Наоми бросила на нее гневный взгляд и выплюнула:

— В тюрьме, где его каждый день насилуют, если в мире есть хоть какая-то справедливость. —

В ее голосе нет ничего, кроме ненависти.

Бет решает, что нам нужно сделать пятиминутный перерыв. Наоми необходимо успокоиться. Мне нужно подышать свежим воздухом. Поэтому Бет велит мне выйти на улицу и вернуться, когда я буду готов.

Когда я возвращаюсь, Наоми становится спокойнее. Ее лицо залито слезами, а ее макияж — пшик, но гнев и ярость в ней просто кипят. Она увидела меня и бросилась в мои объятия. Я обнимаю ее, и мы обнимаемся несколько мгновений, прежде чем сесть.

— Теперь я чувствую, что мы к чему-то пришли, — сказала Бет своим обычно веселым голосом. Мы оба смотрим на нее как на сумасшедшую. Но ее это не останавливает.

— У тебя есть вопросы, Джош? — говорит она, глядя на мой блокнот. Мне даже в голову не пришло что-нибудь записывать, хотя в мозгу вертелись мысли.

— Думаю, первый вопрос... почему? Почему ты никогда не рассказывала мне об этом? Мы женаты уже восемь лет. Почему ты лгала мне все эти годы?

Наоми смотрит в пол и всхлипывает. На самом деле она смотрит на Бет в поисках помощи, а та просто сидит и кивает.

— Я не хотела об этом думать, Джош. Я похоронила ненависть в своем прошлом. Мне было легче думать о них обоих как о мертвых. Они мертвы для меня. Ты никогда не встретишься с моим от... Кенни. Не было нужды вдаваться в подробности.

Я знаю, что именно здесь я должен был проявить сострадание и понять, откуда все исходит. Но я не знаю. Я чувствую свой собственный гнев.

— Значит, ты просто лгала мне В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО НАШЕГО БРАКА! После всего того доверия, которое я тебе оказал. Ты ЛГАЛА МНЕ, НАО!

Она заливается слезами.

— Я знаю, Джош. Знаю.

Пока мы с Наоми обменивались репликами, Бет сидела, кивая головой и что-то записывая в блокноте. Но она не прерывала наш диалог. Наконец, она почувствовала необходимость вмешаться.

— У меня есть вопрос, Наоми. Как ты думаешь, почему тебе было так трудно сразу связать себя с Джошем? Почему тебе было трудно отказаться от своей свободы?

Наоми выглядела так, словно в ее голове зажглась лампочка.

— Я никогда не хотела, чтобы мной владел какой-нибудь мужчина. Я не могла смириться с мыслью, что буду такой же жалкой, как моя мать, — сказала она вслух, но это прозвучало так, будто она говорила сама себе. Бет просто откинулась на спинку стула и кивнула.

— Когда вы играли в эту игру, ты ощущала то чувство свободы, что было у тебя до Джоша?

Наоми кивнула, глядя в пол.

— Итак, если эта свобода так важна для тебя, почему ты вышла за него замуж?

Если когда-нибудь и был хороший вопрос, то этот был идеальным.

— П-потому что я люблю его. Он заставляет меня чувствовать себя так, будто нет ничего, что он хотел бы сделать, чтобы когда-либо причинить мне боль. Он...

— ... полная противоположность твоему отцу? — вмешивается Бет. Наоми мгновение смотрит на нее, потом опускает глаза и кивает.

— У нас почти закончилось время, но тут все идет так хорошо, что я собираюсь отложить свою следующую встречу. Дайте мне секунду, ребята, ладно? — Мы утвердительно кивнули, когда она вышла поговорить со своей секретаршей. Когда она вернулась, мы продолжили.

— Мы подошли к тому моменту, когда, по-моему, нам нужно изучить роман, которое у тебя был. Расскажи еще раз об этом парне, Наоми. Прошное

Декабрь 2014 года

С возвращением в нашу жизнь игры через Криса — обувщика — наша экстравагантная деятельность постепенно набирала обороты. Баланс нашей жизни немного сместился. Все казалось более живым и возбуждающим. Даже такие невинные вещи, как помощь моей жене в приготовлении ужина, были проверкой нашей решимости не задевать друг друга.

Мы начали играть в новых границах, которые установили. В тот вечер Наоми вернулась в торговый центр и купила туфли. Она не просто получила скидку, но взяла их бесплатно. Уволили? Кто-то что-то с ней сделал? Мой разум пытался понять смысл ее трансформации, но ничего не получалось. Я знал, что единственный способ для меня, чтобы узнать, это если жена сама поговорит со мной.

Это было началом нашего ада. После того вечера все признаки привязанности у Наоми прекратились. Она стала совершенно другим человеком. Она не смеялась. Она не хотела быть рядом со мной. Она не хотела играть в эту игру. Черт, она даже не флиртвала. Ее поведение просто стало замкнутым и угрюмым.

Каждый день она уходила на работу, возвращалась домой и шла напрямик в спальню. Когда я пытался привлечь ее внимание, она сердилась и набрасывалась на меня. Честно говоря, я не знал, что делать.

Через три недели после ее внезапного превращения с меня было довольно. Я пробовал быть терпеливым. Я пытался с любовью вытянуть из нее объяснение. Я даже пробовал подкупить ее. Все это встречалось враждебной реакцией.

Поэтому, когда она ушла на работу, я на некоторое время завез Генри к сестре. Я сказал ей, что мне нужно поговорить с Наоми, и требуется, чтобы Генри не мешал.

Когда она вернулась домой в своем обычном странном состоянии и попыталась протиснуться мимо меня в спальню, я схватил ее за руку.

— Наоми, какого хрена с тобой происходит?

— Отпусти меня, Джош. Мне не хочется обсуждать это с тобой сегодня. У меня нет сил. — Она даже не посмотрела мне в глаза, говоря это.

— Прекрасно. Тогда скажи мне, куда отправить бумаги.

Это привлекло ее внимание.

— Какие бумаги?

— Ты знаешь, о каких бумагах я веду речь. Если ты вдруг перешла от любви ко мне к ненависти, по крайней мере, имей приличие сказать, почему. Как бы сильно тебя ни любил, я не хочу жить с кем-то, кто не желает быть рядом со мной.

Я видел, как она сделала шаг назад и впервые за несколько недель посмотрела мне в глаза. Ее лицо смягчилось и стало несчастным. Я даже заметил, что ее глаза затуманились.

— Что с нами происходит, Нао? Что я такого сделал?

По ее лицу мгновенно потекли слезы. Она отвернулась от меня, и я увидел, как все ее тело обмякло.

— О, Джош! Пожалуйста, не бросай меня! — вскрикнула она и бросилась ко мне. Я схватил ее и заключил в объятия, когда ее крики перешли от тихого сопения к громким рыданиям. Я был так рад, что решил пока оставить Генри в доме у сестры.

— Что случилось, Нао? Ты должна мне рассказать, детка. Я схожу с ума. Я не знаю, что

делать.

— Пожалуйста, не заставляй меня говорить тебе, Джош. Прости, что я такая стерва.

Пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты меня ненавидел.

Я тихонько поглаживал ее затылок, а ее щека лежала, прижавшись к моей груди. Ее слезы не переставали течь. Ее тело дрожало, когда его сотрясали рыдания.

— Я никогда не смогу ненавидеть тебя, детка. Ты ничего не можешь сделать такого, чтобы заставить меня ненавидеть тебя...

— Джош, я тебе изменила.

... за исключением этого.

Настоящее время

Сентябрь 2015 года

— Итак, Наоми, расскажи мне, как начался твой роман, — ровным голосом говорит Бет. Я не знаю, насколько она спокойна. Мой желудок практически застрял в горле. Я ждал, когда мы коснемся этой темы, и теперь, когда она здесь, я не хочу об этом слышать.

Мы с Наоми толком не обсуждали детали этого романа. Мы не могли обойтись без того, чтобы я не разозлился, а она бы не почувствовала себя полным дерьмом. Теперь, когда беспристрастным посредником была Бет, у меня не было другого выбора, кроме как стиснуть зубы и терпеть.

— Ну, Марк стал менеджером, после того как Фил ушел работать в Волмарт. В течение недели он приставал ко всем женщинам. Он даже подходил к некоторым клиенткам. Я просто отмахивалась от него как от мудака.

Она смотрит на меня, чтобы увидеть, как я впитываю это. Должен признать, что мне тяжело было это слушать. Дело еще даже не дошло до плохого, а меня уже тошнило.

— Из-за игры, в которую мы играли с Джошем, я иногда позволяла мужчинам флиртовать с собой. Время от времени попадался какой-нибудь парень, пытавшийся тайком пощупать меня то тут, то там. Иногда я позволяла себе это и притворялась наивной, потому что знала, что мы с Джошем позже этим воспользуемся.

— Как-то раз Марк заметил, что один из моих клиентов начал со заигрывать. Также он заметил, что я ничего не сделала, чтобы остановить его. Некоторое время спустя он загнал меня в угол в кладовке и сказал, что коли уж он знает, что тренировка со мной даст ему все это, то он хочет записаться на бесплатные уроки.

— Поскольку он мне уже не нравился, я дала ему пощечину и велела убираться к черту. Это не была легкая пощечина. Я действительно ударила его изо всех сил. Все его лицо практически свернулось. Когда он снова посмотрел на меня, я подумала, что он рассердится. Но он улыбался. Он сказал, что «предпочел бы меня трахнуть». Он также сказал, что ему «нравится это грубое дерьмо». Кто-то вошел и помешал нам, поэтому в тот день он оставил меня в покое.

— Но он начал безжалостно преследовать меня. Каждый день он отпускал непристойные замечания о нас, «тренирующихся» вместе. Чем больше я его видела, тем больше ненавидела.

— Вдобавок к тому, что он был мудаком, он был еще и хамом. Он кричал на людей, совершавших ошибки, и называл их глупыми и медлительными. Одну из девушек он довел до слез, назвав ее «дебилкой».

— Поэтому я просто игнорировала его. И вот однажды я встретила его жену. Она так тихо говорила и была такой пугливой. Похоже, в его присутствии она боялась даже открыть рот.

Он называл ее разными именами, вроде «тупая пизда» и «запуганная сука». Я его ненавидела! Но также я ненавидела ее, за то, что она позволяла ему делать это с собой.

Я смотрю на Бет и вижу, что та понимающе кивает, как будто наконец-то засиял свет.

Кусочки начинали вставать на свои места и для меня. Наоми слишком далеко зашла в своем рассказе о деталях, чтобы увидеть, как соединяются точки.

— А потом однажды он загнал меня в угол в раздевалке, когда спортзал закрывался. Он попросил меня о небольшой тренировке «один на один». Я спросила его, а что насчет его жены. Он сказал:

— К черту эту мышиную сучку. Я хочу тебя.

Наоми на мгновение прерывает рассказ и пытается вытереть нос рукавом. Бет протягивает ей салфетку и дает Наоми минутную передышку, чтобы успокоиться.

— Что ты почувствовала, когда он назвал свою жену «мышинной сучкой», Наоми? — направляла ее Бет. Я знал, к чему она клонит. Все начинало сходиться.

— Я была так взбешена в тот момент! Я даже ударила его по лицу. Я выбила кровь из его губы и все остальное. Он только посмотрел на меня и усмехнулся.

— Это лучшее, что у тебя есть, сука? — спросил он.

Потом он схватил меня за запястья и поцеловал. На самом деле это был не поцелуй. Это было больше похоже на то, что он засунул свой язык мне в горло. Высвободив запястье, я оттолкнула его от себя. При этом я, наверное, схватила его за рубашку или что-то в этом роде, потому что та порвалась. На его груди я увидела царапины, которые, по-моему, остались от моих ногтей, когда я разорвала его рубашку. Он провел пальцами по царапинам и слизнул с них кровь.

Потом сказал:

— Иди к папочке, сука!

После этого все было как в тумане. Мы сорвали друг с друга одежду. Я трахнула его прямо на полу. Все время, пока я делала это, я была в ярости. Я была его. Я давала ему пощечины. Я называла его никчемным куском дерьма. И кончила так сильно, что чуть не потеряла сознание.

Ее последнее заявление задело меня за живое. Но удивительно, что это было не так больно, потому что я начинал понимать, откуда все это исходит. Бет сделала все очевидным.

— Как он выглядел, Наоми?

Когда я услышал, как она описывает парня, мои глаза полностью открылись. Теперь это уже не может быть простым совпадением. Я помню фотографию, виденную в том фотоальбоме. Не осознавая этого, я нарушил одно из правил Бет и перебил Наоми:

— О, Боже, Наоми! Ты описываешь своего отца!

Осознание этого поразило Наоми, как тонна кирпичей. Она прямо задрожала.

— О, Боже. Я так облажалась!

Я обнимаю ее, когда она снова начинает всхлипывать. Бет даже нарушает протокол и переходит на нашу сторону.

— Нет, милая. Ты не облажалась. Ты так долго держала этих демонов в себе, что не могла ни понять их, ни вытащить, — говорит она, успокаивающе поглаживая руку Наоми.

— Но я же еблась с отцом!

Бет качает головой.

— Нет, милая. Ты не... «Е»... со своим отцом. — Я замечаю, что Бет испытывает отвращение к

ругательствам и старается избегать их. — Он — в тюрьме. У тебя был секс с кем-то, кто напоминал тебе его. Ты пыталась изгнать своих демонов.

Рыдания немного стихают, и Бет продолжает:

— Когда вы с Марком были вместе, что ты чувствовала?

— Я его ненавидела. Я ненавидела его жену. Я ненавидела себя.

— Что заставляло тебя возвращаться к нему?

Наоми на мгновение задумалась, тихо всхлипывая.

— Что бы я с ним ни делала, он продолжал преследовать меня. Как жалкий щенок. Он был жалок, и это я делала его таким.

Бет смотрит на меня и видит, что у меня имеется вопрос, хотя я его и не записал. Она кивает, чтобы я продолжал.

— Почему ты не рассказала мне об этом, Нао? Ты должна была сказать мне.

Она смотрит на меня самыми грустными глазами, какие я когда-либо видел.

— Мне было стыдно, Джош. Это был первый раз в моей жизни, когда я почувствовала стыд за то, что делала. Я ненавидела себя за то, что трахалась с ним. Это заставляло меня чувствовать себя подавленной. Но также это заставило меня чувствовать себя более сильной, чем когда-либо. Я не хотела, чтобы ты видел меня такой. Знал, что какая-то часть меня способна делать то, что я делала с ним. Видел ярость, на которую я была способна.

Бет возвращается и садится в свое кресло. Впервые, с тех пор как все это началось, я с оптимизмом смотрю на нас. Конечно, сейчас нам очень больно, но это потому, что мы только что вышли из операционной, избавившись от рака.

— Я думаю, что это хороший момент, чтобы остановиться. Наоми, сегодня ты была великолепной! Такой смелой. — Наоми краснеет и улыбается, когда Бет аплодирует ей.

— Но прежде чем вы оба уйдете, я должна сказать тебе, Наоми, вот что. Для того, чтобы полностью оставить этого демона позади, тебе надо противостоять ему. И я говорю это буквально. У тебя есть возможность и средства освободиться. Но для этого тебе придется сделать кое-что, что тебе не понравится.

Мы сидим и выжидающе смотрим на Бет. Ее лицо смертельно серьезно, но в то же время ободряюще.

— Тебе придется простить своего отца. Я думаю, что тебе нужно навестить его и встретиться с ним лицом к лицу. Сказать ему все то, что ты не могла сказать, когда была моложе. Я думаю, тебе это необходимо, чтобы простить его. Только тогда ты сможешь простить себя и исцелиться.

И снова моя жена выглядит неуверенной. Если бы Бет велела ей нырнуть головой в змеиную яму, Наоми посмотрела бы на нее с большим энтузиазмом, чем сейчас. Она смотрит на меня, словно пытаюсь понять, что об этом думаю я. Я улыбаюсь ей и нежно глажу по щеке.

— Ты — самая сильная женщина из всех, кого я знаю. Если кто-то и может убить этого чертова демона, так это ты, детка. И я буду рядом с тобой на каждом твоем шагу. — Все ее лицо озаряется улыбкой, когда она сжимает мою шею в крепких объятиях. Она практически душит меня, но в данный момент это не кажется важным. Я смотрю через ее плечо и вижу, как Бет подмигивает мне, как бы говоря: «Молодец, Джош. Отлично сработано».